

18+

Олеся Стасевич

ОСЬКИН ЛОКОМОБИЛЬ

Маленькая повесть о самом главном

Олеся Стасевич

**Оськин локомотив. Маленькая
повесть о самом главном**

«Издательские решения»

Стасевич О.

Оськин локомотив. Маленькая повесть о самом главном /
О. Стасевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-552432-4

Нельзя терять силы на этой стремнине, когда тебя уже несет поток. Иначе не выплывешь, расхлещет, как волну о каменистый вал, на мелкие брызги. Кто скажет за его рассудительных и немногословных земляков? Кто скажет вслух то, о чем они думают на самом деле, разговаривают между собой у ворот своих домов? Но это же ему, Оське, только ему, по праву одного из старших в этом селе, дано сказать слово за всех, кто здесь жил и живет на этой земле.

ISBN 978-5-00-552432-4

© Стасевич О.
© Издательские решения

Оськин локомотив

Маленькая повесть о самом главном

Олеся Стасевич

© Олеся Стасевич, 2025

ISBN 978-5-0055-2432-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Оська, ты не бойсь... Ты лучше расскажи, как нефть на огороде нашел. По телику вся страна узнает, – посмеиваются над Оськой товарищи-рыбаки, с привалившегося копченым боком к берегу баркаса. Устроились рядом на бревнах, скребут коробливой робой по ошкуренной древесине, толкут сапогами мокрый лежалый песок.

Интервью, которым пытается Оську молоденькая журналистка, вызывает у них любопытство. С деланным равнодушием смотрят они мимо объектива, отворачивают обветренные лица, прячут усмешку в складках по-бурятски наплывших век, когда оператор торопливо поворачивает камеру на их голоса. Пожевывая прилипшие к губам потухшие сигарки, снова затягиваются, зажимают окурки меж кривых пальцев с окаменелыми ногтями, желтозубо щерятся. Не отводя глаз от сетей, покашливают в сторону, сплёвывая, отпускают незлые шуточки и замечания.

В мареве вогнутой чаши залива плывет голубой мираж далекого острова. Водит, слепит бликами по смятому шелку воды солнечный шар, уже успевший с утра распалиться. Тянут руки к пенистой кромке волны фиолетовые тени прибрежных сосен. Лебедка натужно гудит, заводит большой дугой сеть от старенького «Ярославца». На поплавах, в ожидании поживы, покачиваются горластые чайки.

Оська молчит. Выпуклый глаз объектива его смущает. Он прижимает взбугренные венами руки к худым коленям, косит глаза на шишку микрофона, которую ему подсунула молоденькая Рыжуха-журналистка, и не находит слов. Ужасно неудобно, даже стыдно молчать. Сидят, как на сковороде, на выбеленных до серебра бревнах топляка уже битый час, и Оська отчаянно жалеет, что согласился на уговоры Татьяны, директора их школы, заглянувшей сегодня к нему во двор спозаранку. Упросила, уговорила дать интервью. Дескать, уважаемый в селе человек, открытый, душевный. В проёме калитки было видно, как на улице, у ворот, нетерпеливо переминаются гости. Скрепя сердце согласился.

– Нефть? – журналистка недоверчиво смотрит на Оську. – Откуда?

– Из колодца. Колодец на огороде копал, нефть нашёл.

– И куда вы её дели?

– Никуда. Обратно закопал. Не нужна она. Приедут, вышки понаставят, испоганят все. Вот я и закопал, от греха подальше.

Усмехается Оська. Не верит Рыжуха, думает, смеются над ней. Пускай себе думает. Оська оглаживает белую, застёгнутую на все пуговицы рубашку, хлопывает карманы старенького пиджака, надетого по случаю интервью, пытается выпрямить давно уже круглую спину и, прижмурив выцветшие глаза на ярком солнце, улыбается тихой светлой улыбкой ребёнка.

– Ладно, перекур, – оператор пристраивается на бревне рядом с Оськой, протягивает мятую пачку. – Закуришь, дед?

Выключилась лебедка. В оглохшие уши постепенно прорываются крики птиц, шершавый хруст островков прибрежной гальки, шелест волны.

От разноцветных лоскутов палаток туристического бивака, устроенного за валиком кедрового стланца, подходят городские ребята. Уже успели хватануть коричневого байкальского загара, с усилием, споро, взялись помогать тащить отяжелевшую сеть. Острые силуэты людей на ярком солнце заставляют прикрывать глаза ладонью – лодочкой. Загорелые мокрые спины, песок, влажно прилипший к коже, углами торчащие робы, плотный запах водорослей и живой рыбы, все враз смешалось, закрутилось в ослепительной круговерти. Отрывистые голоса, молодые звонкие, низкие гортанные, туго сплелись с ритмом хрипатых длинных рывков десятка рук, вытягивающих сеть на берег. Пятки голоногих городских девчонок, выбирающих из косматых колтунов сетей улов, тонут в мокром песке. Рыба бьет серебром по проворным рукам, чешуя перламутром налипает на волосы, руки, тело.

– Хех... Русалок поймали! – выдыхает Оська.

– Что? – поворачивается микрофон к нему.

– Русалок поймали! – подхватило ветром, понесло над водой, спутало в бьющих наотмашь чайчых крыльях. Потом развернуло, раскинуло в душном разнотравье байкальского берега и поглотило гулом подлетающего к побережью красно-белого вертолѐта.

– Похоже, начальство прибыло.

Павел Николаевич Земцов летать не любил. Вертолѐтом особенно. Как-то тоскливо становилось, когда тяжело загребающий воздух винт этой пузатой машины отрывал его от земли. Терялась опора, становилось зыбко, неуютно. Смотрел в иллюминатор на скобу ярко-зелёной болотины, жухлую, смешанную с песком, степную траву стремительно приближающегося летного поля.

В который раз задавался вопросом: да зачем это нужно? Пора уж остановиться, оглянуться назад, оценить с высоты покорѐнных вершин все, что наворочал в свои сорок с небольшим лет. Сыновей вырастил, посадил деревьев не счесть, а уж сколько домов построил за всю профессиональную жизнь. Но опять, где-то там, в подкорке головного мозга, шалют неумные, неподдающиеся усталому ритму сердца, мысли: нужно, Павел, нужно... Одну жизнь живешь... и чтобы не было потом мучительно больно за несделанное... Все мало. Уже и генеральство в строительном холдинге мелковатым кажется, в депутаты подался. На носу выборы. Устал, измотался за время этой избирательной компании.

Надо выстоять, чтобы легко так, непринужденно, перед конкурентами взять, да и вытщить на последних этапах гонки затаенный козырь. Двинуть, наконец, с мертвой точки строительство ЛЭП в Алхатуйку. Село большое по местным меркам. Полтысячи человек, а до сих пор при лучине живут. И это сегодня-то. Советская власть недодумала, недотянула в свое время электричество до Алхатуйки, а потом рухнула в тартарары. Утянула за собой сначала авиационное сообщение. Затем и старая посудина «Комсомолец», курсирующая по Байкалу меж такими же прибрежными посёлками, оторванными от большой земли, ржавым боком привалилась к гнилому причалу в порту Листвянки. Ушла в распил на металлолом. В прошлом году кабель на остров Ольхон протащили по дну Байкала. А тут по материку... Каких-то полста километров. Не протянем? Дороги в посёлок нет. Вот дорога к линии и приложится.

Вертолет резко болтануло. Тьфу, черт... Дорога нужна. По той, что есть, наверное, только на танке проехать можно, да и то лишь в сухую пору. Местные летом по воде, на лодках, в райцентр добираются. В межсезонье село напрочь отрезано расквашенным бездорожьем и ледяной кашей байкальской шуги. Когда лед становится, зимник прокладывают... Зимник... его ещё «дорогой жизни» называют. Звучит как надежда. Правильнее будет «дорогой жизни и смерти». Каждый год, сколько машин, груза, иной раз вместе с людьми, на свой жертвенник забирает Байкал. Перемалывает ледяными челюстями станowych трещин, заглатывает чернотой стылых промоин. В прошлую зиму узик-«буханка» с продуктами на такой становой застрял.

Пока водитель до Ушканьих островов за подмогой туда и обратно бегал, льды сжевали машину в лепешку, так и ушла под воду. Как люди тут живут? Живут... Как могут...

Земцов сам был родом из этих мест. Мать рано умерла. Отец работал егерем. Мальчишкой Павел Николаевич каждое лето проводил на дальнем кордоне в тайге. В межсезонье, когда начинались занятия в школе, переселялся к родственникам, в деревню Харма, что притулилась не доезжая по берегу километров семьдесят до Алхатуйки, в створе Харминского ущелья. В школу приходилось ходить в другое село. В дождь ли, в холод сбивались деревенские ребятишки стайкой и месили грязь по кривой дороге за несколько вёрст. Иной раз повезёт, так проходящий зилот с рыбозавода подбросит. Нет сейчас Хармы. Сгинула. Одни черные остовы от изб да порушенные временем прясла догнивают среди крапивы и тальника.

В постройках заброшенного рыбозавода пытались турбазу организовать. Не прижилась. Дороги почти нет, мощности по электричеству слабые. Да и Горная не жалуется. Весной, осенью как дунет, свистнет ураганным ветром через узкий раструб ущелья с Приморского хребта. Гаркнет так, что крыши снимет с домов и на воду положит. Какой уж тут туризм.

А Алхатуйка живет. Вопреки всему живет. И школа в селе своя. В предыдущий депутатский срок, на столетний юбилей школы, выбил для нее компьютерный класс. Ох, как тогда пресса прокатилась по Земцову. В Алхатуйке электричество от дизеля всего на один час в сутки подается, какой уж тут компьютерный класс. Конкуренты в этой избирательной компании не преминули просклонять Земцовскую инициативу на все лады. Дескать, бюджетные деньги на ветер бросает, прожектерством занимается, а людям насущные проблемы решать нужно: завоз топлива, продуктов. Надо, надо дорогу делать. Разом все. И дорогу и ЛЭП. Да что говорить, уж давно бы двинул все мощности своей компании на строительство. И деньги в бюджете отжал на это дело. Мелочь осталась. По закону сход жителей нужно провести, получить их согласие. Хороший случай представился, объединить предвыборную встречу с избирателями и собрание, где можно решить этот судьбоносный вопрос. Вот она, козырная карта. Коля, правая рука, главный пиарщик Земцова, все руки потирал от удовольствия, приговаривал: «Теперь мы их сделаем, Павел Николаевич...». Оперативно организовал поездку, журналистов с телевидения отправил. С утра в селе работают.

С глухим стуком вертолет коснулся земли. Двигатели начали медленно сбавлять обороты.

– Прилетели, – Николай, торопливо вытаскивал вещички из-под сиденья, – нас уже встречают. Пошли на выход, Павел Николаевич.

– Ну, с Богом, – Земцов размашисто перекрестился, встал, на ходу поправлял мятый пиджак, шагнул через открытый люк в горячую пыль, поднятую все еще вращающимися винтами, – пойдём с народом общаться.

Спустя час Оська ходко семенил кривыми ногами к поселковой школе. Интервью так и не получилось. Пока сидели на берегу, прилетел вертолет с депутатом. Рыжуха с оператором в спешке побросали свои сумки в уазик и поспешили на летное поле. У крайних домов они высадили Оську, взяв с него обещание, продолжить съемку позже. Свернул за угол. У дырявого школьного забора Оська заметил Алешку, сына местного егеря. Мальчик сидел верхом на пузатом барабане большого металлического агрегата с красными колесами, и, наклонив голову, одуванчик, самозабвенно качал передний зуб. Рядом в тени крапивы лежали две патлатые, обвешанные кусками линялой шерсти собаки.

– Алешка, слась вниз. Инструменты принёс?

Прищурился, Оська любовно огладил пузатое брюхо машины. Согнулся, побряхтывал, помог достать Алешке из-под агрегата ящик с инструментами.

– Отец уже приехал или на кордоне? Собаки, вижу, его здесь.

– Утром приехал. В контору сразу ушел. А что с зубом делать, аба? – Алешка протянул кулачок и разжал пальцы. На испачканной ржавчиной ладошке мраморно белел маленький острый зуб.

– Я, когда был маленьким, таким как ты сейчас, закатывал зуб в хлебный шарик и отдавал его собаке. Она его хватала, а я приговаривал: «Собака, собака, съешь мой плохой зуб и дай мне взамен хороший...»

Оська потрогал на ладошке мальчика зуб, потом добавил:

– Чтобы новый вырос быстрее.

– Дуське отдать? – Алешка кивнул в сторону собак. Одна из них, услышала своё имя, подошла, наклонила голову, боднула лобастой головой в коленки мальчика.

– Можно и Дуське. Она хорошая собака, сильная. Медвежатница. Вырастет у тебя новый зуб, как у медведя крепкий, острый.

Оська ласково трепанул жесткую шерсть на загривке собаки, потом хлопнул по округлому боку механизма так, что тот весело отозвался протяжным гулом:

– Посмотрим сегодня вот этот клапан, я у него прокладку заменю, а ты вентиль раскрути и вычисти.

Вдвоем обстоятельно, на промасленной ткани, поверх травы, разложили инструменты и принялись за работу.

Этот ржавый паровой агрегат под радостный гомон поселковой ребятни Оська прикатил в начале лета с заброшенной лесосеки. Давно хотел это сделать, все руки не доходили. То трактора не было, то сам уходил в тайгу на промысел. Когда поставил его у школы, люди посмеивались:

– Зачем ржавоту сюда притащил, мало ее на старом рыбозаводском дворе валяется? Может, на металлолом хочешь сдать, в райцентр? А как повезешь? Отсюда только баржей получится... Больше на доставку истратишь, чем выручишь от продажи.

В ответ Оська только крутил головой, хитро улыбался. Сбивал кепку на затылок, прихлопывал по коленям, колченого выступал вперед к любопытным:

– Это ж раритет еще позапрошлого века. Вот очищу его от ржавчины, покрашу и поставлю на постамент посреди площади. Памятник инженерной мысли человека будет.

– Хо, хо... Чудит Оська, – отмахивались мужики от назойливых женщин, им покою не давали Оськины занятия.

Смеялись люди, шутили над его чудачеством, со временем попривыкли и отстали с расспросами. А Оська побурханил, как полагается, принял полстаканчика на грудь и взялся, как он выражался, «за реанимацию».

Галдели у школы восторженные мальчишки, да так голосисто, что матери на другом конце села знали, толкутся их ребятишки у Оськиной железяки. Так, перебирая клепочку за шурупчиком, шурупчик за винтиком, попривык, сроднился с машиной Оська, стала для него она, что конь для кочевника. Просиживал рядом с ней короткие серебристые ночи, пока не розовело небо на востоке. Любовно оглаживал выпуклый бок, похлопывал по железной обшивке, перебирал негнушимися пальцами, словно узду, сложный рисунок задвижек. И машина ему отвечала из своего переполненного медными трубками нутра глубоким протяжным звуком.

Из всей ватаги мальчишек, все чаще задерживался у Оськиного агрегата десятилетний Алешка. Целыми днями возились они вдвоем с механизмом, чистили, собирали, подкручивали. А по вечерам, когда в воздухе терпко сгущались запахи земли, травы и навоза, далеко по степи становились слышны голоса людей, лай собак во дворах, сидели Оська и мальчик на штабеле досок и смотрели, как алеет степь под лучами уходящего солнца. Представляли, как закрутятся колеса их машины, запыхтит, зачавкает она шкивами и ремнями. И под протяжный гул ее барабана над синими гольцами, над сиреневыми заплатками чабреца на степном

покрывале, будут плыть на закате розовые облака. А если подобраться к ним ближе, хотя б на макушку ближайшей сопки, то будет казаться оттуда Алхатуйка рассыпанной ненароком горстью домишек. С кривыми заборами огородов и выпасов, с едва заметным штришком, дороги, что тянется вдоль берега по степи лишь в одну сторону, в далекую, чужую, расцветенную яркими огнями, горластую жизнь больших городов. А в другой стороне нет дорог, только тропы петляют по морянам, распадкам, сопкам, в тайге, меж деревьев, в кронах которых лишь байкальский ветер гуляет: «Аялха ту-у-уйл... Аялха ту-у-уйллл... Стой человек... Конец пути... Дальше дороги нет...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.